

К Минкину можно относиться как угодно. Один из лучших позднесоветских театральных журналистов — и публикатор скандальных "прослушек", неукротимый борец с коррупцией — и фигурант скандальной истории о похищении собственного сына, журналист, чьи публикации читаются всеми с одинаковым интересом, — и всеобщий враг, всех станов не боец, ибо, разоблачая ельцинистов, он на завтра же наносит сокрушительный удар по их врагам. Сегодня в его биографии очередной зигзаг: он баллотируется в Госдуму по московскому Центральному округу.

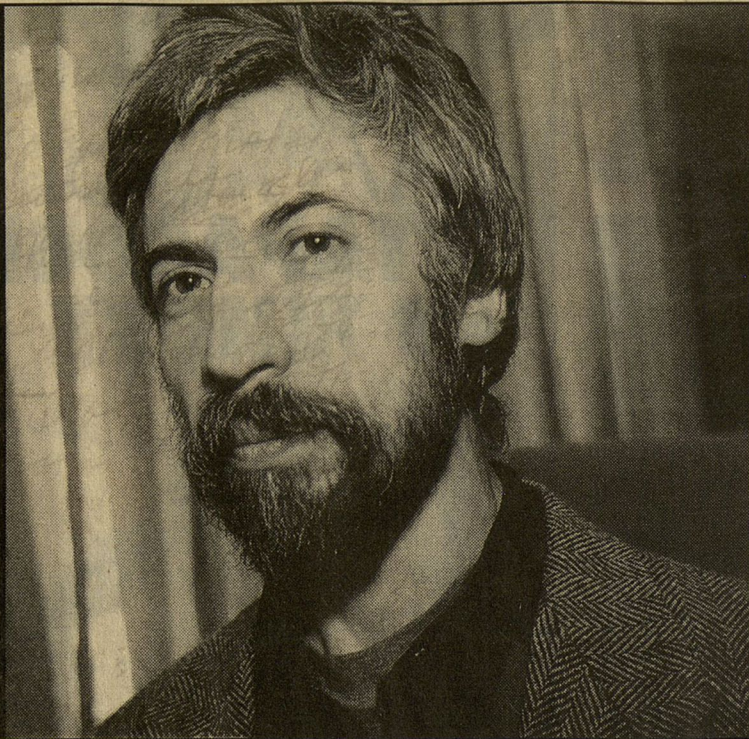

Фото Виктора Шалопникова

Александр Минкин КАК ЗЕРКАЛО НАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

— Саша, вы идете в Думу, потому что разуверились в способности журналистики влиять на происходящее? Или...

— Без "или". Именно поэтому. Я все-таки закончу. Или вам некуда стало профессионально расти? Вы уже были обозревателем, главным редактором, главным публикатором компромата...

— Стоп. Главным редактором (журнала "Лица") я был за свои 53 года всего два месяца. И мне не очень понравилось. А вот публикатором компромата я не был вообще никогда.

— Саша!
— То, что я публиковал, — не компромат. Компромат — это сообщение о том, что Н. имеет любовницу. Факты личной биографии, компрометирующие персонажа в глазах общества. Я публиковал сведения только о том, что относится к сфере уголовно наказуемых деяний. И только тогда, когда был стопроцентно уверен в том, что говорю. Обратите внимание, меня по сути, по фактам ни разу никто не опроверг. Такого случая просто не было.

— Дума для вас — трибуна или все-таки законотворческий инструмент?

— Я не законодатель, у меня образования такого нет. Не юрист, не статистик. Поскольку в силу своего характера я в Думе, как и в любом коллективе, буду в меньшинстве, — один мой голос может оказаться решающим в редких случаях, но так бывает. Вступать во фракции я не намерен, — разве что эта фракция продвинет меня на пост председателя комитета по печати. Ради такого поста я вступлю в любую фракцию, хоть в КПРФ, хоть в ЛДПР, — потому что председатель комитета по печати реально способен защищать в стране свободу слова. Свобода слова стоит временного союза с любой фракцией — как вступлю, так и

выйду. Но что-то мне подсказывает, что комитета по печати мне не отдадут. Так что я намерен влиять на Думу самым своим существованием — других инструментов и аргументов у меня нет. Может быть, кто-то из моих бывших героев не сможет там слишком нагло лгать. Может, кто-то остержется слишком нахально передегивать.

— Есть в сегодняшней политике хоть одна сила, которая вам безоговорочно симпатична?

— Три месяца назад, когда Явлинский еще не сделал Степашина вторым человеком в "Яблоке", мне было бы проще ответить на ваш вопрос.

— И как вы лично намерены голосовать летом 2000 года?

— На президентских выборах? Видите ли, в 1996 году со всей страной проделали довольно подлую штуку. Ей внушили, что кандидатов на президентский пост двое. А их было одиннадцать, и выбор между Ельциным и Зюгановым — ложный выбор. Был Горбачев, получивший один процент. Спросите любого: он лучше Ельцина и Зюганова? Ответ очевиден. Так что в 2000 году я сам проголосую и всех призываю в первом туре проголосовать по совести. За того, кого вы считаете оптимальным кандидатом. Никого не слушая. А во втором я буду голосовать за меньшее зло. То есть против Путина.

— Почему только Путина?

— Не только: большим злом я считаю его, Лебеда и Жириновского. Человек, способный бомбить мирных жителей, — такой президент России не нужен. Граждане России, живущие в Москве, ничем не лучше и не хуже граждан России, живущих, вернее, погибающих в Грозном. Поэтому я не убежден, что в какой-то момент он не переступит через любые жертвы в любой другой точке России. Люди для него — мусор.

— Вас не устраивает то, как ведется война?

— Не устраивает. По официальным, явно заниженным данным — погибли 300 человек, ранена тысяча. Спецоперация (которую, кстати, нам вначале и пообещали) явно обошлась бы меньшими жертвами. Возможно, погибли бы пять суперпрофессионалов, но Басаев и Хаттаб были бы уничтожены. Сегодня в Ингушетии тысячи беженцев, в Грозном — неприцельные бомбардировки, а Басаев и Хаттаб целехоньки. Им дали уйти из Дагестана и дадут уйти сейчас. Кстати, в Дагестане все делали правильно. Как будто. И та война ни у кого негодования не вызывала. Но ее так умело вели, что главным бандитам дали уйти. Случайно?! И уверяю вас, когда Чечня будет обнесена обещанной стеной, — знаете, что останется внутри этой стены? Несколько аулов, пастухи, дети и козы. И ни одного боевика. Все боевики с гарантией уйдут за стену.

— Кто ваши конкуренты по избирательному округу?

— Неожиданно для себя я, похоже, стал редким случаем национального согласия: узнав, что я выдвигаюсь, своих кандидатов отозвали "Отечество — Вся Россия" и "Яблоко" и заявили, что поддержат меня.

— А Союз правых сил — не снял?

— Нет. От них баллотируется Алла Гербер. Это из категории, которую народ метко называет "демшиза".

— Саша, откуда у вас такая ненависть к Гайдару, Собчаку, Чубайсу и к тем, кого народ метко называет "демшиза"? Чем эти люди так уж опаснее коммунистов-то?

— Нет у меня к ним никакой ненависти. Глубокое презрение есть. К тем, кто проворовал, прогулял и проболтал великий исторический шанс, кто своей демагоги-

ей, воровством и глупостью обманул народное доверие и растратил великий энтузиазм конца восьмидесятых. Новому президенту придется начинать в страшно ухудшившихся стартовых условиях. От промышленности осталась четверть, средняя продолжительность жизни сократилась на десять лет. Вспомните, как молились на этих людей, с каким энтузиазмом приветствовали тех же Станкевичей, Собчаков...

— А вы когда в них разочаровались?

— А я в них не очаровывался. Вот сборник моих статей, проверьте по датам. Видите, в апреле 1991 года, когда большинство нынешних критиков Ельцина кричало ему ура, — я писал, что у него неискоренимые замашки обкомовца, а обкомовец — тот же гауляйтер, и не стоит возлагать на него демократические упования.

— В последнее время вам что-то редко передают компроматерилы — или вы их не печатаете?

— В последний год я вообще занимаюсь в основном воспитанием сына, а не журналистикой. А не передают, вероятно, потому, что поняли: я не буду играть в одни ворота. Прикормить меня не получается, сделать собственностью одной из сторон — тоже. Я не влезаю в имущественные споры, не беру чью-то сторону в разборках. Вмешиваюсь только в действия власти, да и то в наиболее вопиющие. Например, когда Дальневосточный порт приватизируется с легкой руки Чубайса по меньшей стоимости, чем магазин "Березка".

— В чем главная проблема современной России, как вы ее видите?

— Я для себя ее сформулировал сравнительно недавно. Знаете, чем Россия отличается, скажем, от Америки?

— Ой, многим...

— Немногим, но очень существенным и страшным. Если там гремит взрыв — у американцев не возникает подозрения, что его организовала власть для сохранения своего режима. Если там ведут войну с террористами — никто из американцев не задаст себе вопроса: "Может, эта война нужна только затем, чтобы президент остался в Белом доме?" А у нас — это вопрос естественный. Власть пользуется уникальным, небывалым недоверием. От нее можно ожидать чего угодно. И точно таким же недоверием — благодаря стилю нынешней информационной войны — пользуется пресса. Слово "журналист", которое в 1991 году носили, как орден, — стало ругательством. Я не могу называть коллегами большинство участников этой вакханалии.

— То есть Хинштейна? Караулова? Доренко?

— И еще многих. Я в этой войне не участник. Мне жалко только Доренко. Он человек талантливый, но в какой-то момент переставший думать о репутации.

— За тот год, что вы почти не печатались, писали книгу для сына и возились с ним, — вы не изменились?

— То есть не перестал ли я ненавидеть государственных преступников? Нет. Я должен участвовать в создании условий для жизни в стране. В том числе и потому, что жить в ней моим детям: Павлу, Виктору, Александру Александровичу трех с половиной лет от роду... И внучке со смешным литературным именем Софья Павловна.

Беседовал
Дмитрий БЫКОВ

Минкин Александр

20.11.99.